Мезга, Н.Н. (Гомель) Проблема становления восточной границы Польши в исследованиях польских историков межвоенного времени. / Н.Н. Мезга // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 233-238.

Н. Н. Мезга

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ ПОЛЬШИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ МЕЖВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассмотрены основные направления изучения польской межвоенной историографией проблемы становления восточной границы Польши после Первой мировой войны. Установлено, что польские историки указанного периода определили существование в польской политической элите двух концепций решения вопроса о границе — федерации и инкорпорации — выявили зависимость его решения от стран Антанты. Установленная Рижским договором граница оценивалась многими исследователями негативно, так как, по их мнению, на советской стороне остались территории, в культурном и историческом плане связанные с Польшей.

The main study directions of Polish interwar historiography the problems of making eastern frontier of Poland after World War I have been described. It has been stated that Polish historians of the given period determined existence in Polish political elite of two conceptions to solve the problem about frontier, federation and incorporation, dependence of its decision from Antanta countries has been singled out. The made frontier by Riga's treaty was negatively appraised by many researchers, as in their opinion some territories that were connected culturally and historically with Poland remained on the Soviet side.

Ключевые слова: границы Польши, польская историография.

Keywords: borders of Poland, the Polish historiography.

Вопрос становления польской восточной границы был одним из центральных в польской межвоенной историографии. Его изучением историки занялись буквально с момента возрождения независимой Польши. Отметим, что в советской и постсоветской исторической науке польская историография межвоенного периода не была предметом глубокого исследования. Основное внимание обращалось на ее развитие уже после Второй мировой войны [1; 2]. В данной статье предпринята попытка установить основные концепции и подходы, сформировавшиеся в польской межвоенной историографии по вопросу становления восточной границы восстановившей независимость Польши.

Польские исследователи обратили внимание на то, что еще во время Первой мировой войны политики начали выступать с проектами границы возрожденной Польши. В частности, упоминается декларация Р. Дмовского, с которой он 30 марта 1917 г. обратился к министру иностранных дел Англии и предложил провести польскую восточную границу по линии Вильно — Двинск — Минск — Пинск — Ровно — Каменец-Подольский. Включение в состав Польши белорусских земель Р. Дмовский аргументировал тем, что у белорусской народности низкое национальное сознание и она может быть легко ассимилирована. По мнению ряда польских авторов, этот прогноз не подтвердился [3, s. 54—56]. Еще одним из первых документов, в котором излагались польские планы относительно границ, был проект С. Грабского, возникший конце 1918 г. Он предусматривал границу, которая включала на востоке не только Вильно, но и Полоцк, Минск, Каменец-Подольский. При этом С. Грабский выступал от имени Польского национального комитета в Париже, который имел намерение добиваться утверждения указанной линии восточной границы на будущей мирной конференции [3, s. 41—42].

Мезга Николай Николаевич — декан исторического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, кандидат исторических наук, доцент.

Польские историки и публицисты, изучая проекты проведения восточной границы своей страны, приступили к обоснованию права и необходимости установления польского контроля над украинскими, белорусскими и литовскими землями. Уже во время польско-советской войны 1919—1920 гг. в Польше были изданы работы, в которых с исторической точки зрения обосновывались претензии Польши на земли, не являвшиеся этнически польскими. В 1919 г. вышла работа К. Олендского «Восточные крессы и Польша». Автор выступил как представитель жителей «восточных крессов Польского государства». Он попытался обосновать тезис о том, что население этих территорий не может создать правительство, «способное обеспечить нормальный уровень материальной жизни». Поэтому любое правительство на этой территории будет нуждаться в поддержке соседних государств. Роль такого государства и должна сыграть Польша [4, s. 3—4, 7—8]. Фактически Олендский отстаивал федеративную концепцию Ю. Пилсудского в восточной политике Польши, что подтверждает неразрывную связь польской исторической науки того времени с проводимой правящими кругами политикой.

В польской историографии в начале 1920-х гг. сформировалась точка зрения, согласно которой во время Первой мировой войны ряд польских политиков пришли к заключению, что не реально говорить о возрождении Польши в границах 1772 г. Они связывали это с развитием процесса образования наций и возникновением на землях бывшей Речи Посполитой новых самостоятельных наций. По мнению историка С. Козицкого, программа Дмовского, представленная на Парижской мирной конференции, предусматривая включение в состав Польши Львова и Вильни, содержала отказ от границы 1772 г. и уступку в пользу России части «крессов» бывшей Речи Посполитой [5, s. 3—4, 21]. Автор детализировал цели польской политики на востоке: «1) Образование этнографической Литвы в государственной унии с Польшей. 2) Передача Польше западной части Белой Руси, преимущественно католической, со значительной долей польского населения <...>. 3) Такое разграничение на Украине, которое дало бы Польше Западную Волынь и два уезда Подолья (Проскуровский и Каменецкий)» [5, s. 131].

В политической элите Польши имелись две концепции вопроса о восточной границе. Причем сама польская историография разделилась на два течения в зависимости от того, какую из концепций поддерживал тот или иной исследователь. Федералистскую концепцию отстаивал О. Бальзер, издавший уже в 1919 г. работу, посвященную истории польско-литовской унии. Он отметил, что в польских политических кругах на тот момент в политике сложилось два подхода относительно Литвы. При этом под Литвой автор подразумевал все земли бывшего ВКЛ. Первый подход предполагал предоставление Литве определенной государственной самостоятельности. Но в этом случае намечалось объединение Польши и Литвы «на основе дуалистического устройства». Второй вариант стремился к «тесному органическому объединению двух государств в единое целостное государство». Сделав экскурс в период существования польско-литовской унии, автор пришел к выводу, что и в тот момент уния должна быть положена в основу отношений между Литвой и Польшей [6, s. 1, 24].

Федералистской позиции придерживался и другой польский историк того времени — В. Калиновский. Он отмечал, что, находясь между такими сильными державами, как Россия и Германия, чтобы отразить атаки как с запада, так и с востока, Польша должна стать центром притяжения, «вокруг которого могли бы сгруппироваться бывшие российские земли, находящиеся между Балтийским и Черным морями», а затем и другие соседи. Конечная цель этой политики — вытеснить Россию с территории между Балтийским и Черным морями и коренным образом ослабить ее [7, s. 5—4, 14]. Исходя из необходимости реализации федеративной концепции, В. Калиновский считал, что будет полезным для Польши поддержать белорусское национальное движение и что она должна рассматривать земли Беларуси как поле геополитической борьбы с Россией. При этом белорусское национальное движение оценивалось как чрезвычайно слабое и неспособное осуществить государствообразующий процесс. Тем не менее Польша должна поддержать создание белорусского государства в расчете на то, что

Беларусь пойдет с тем, кто ей окажет помощь [7, s. 4—6]. При этом историк подверг критике концепцию инкорпорации, так как, по его мнению, полонизировать белорусов, даже католиков, будет весьма проблематично. Православные белорусы останутся в организме польского государства чужеродным телом. Это будет давать повод к вмешательству России во внутренние дела Польши под предлогом «защиты братского белорусского народа» [7, s. 11—12].

С. Кутжеба также писал о наличии двух концепций в польских политических кругах относительно прохождения восточной границы Польши: федерации и инкорпорации. По его мнению, идея федерации основывалась на том, что этнические литовские и белорусские земли традиционно тяготели к Польше. Народы, проживавшие на этих землях, могли образовать свое государство в границах ВКЛ, которое должно было вступить в унию с Польшей. Тем самым, как считал С. Кутжеба, Польша была бы отделена от России сильным государством. Концепцию инкорпорации он рассматривал как идею польских политических кругов договориться с Россией на основе раздела белорусских земель. Ее сторонники имели в виду присоединение к Польше той части Беларуси, на которой была значительная доля польского населения, преобладали католики и польское культурное влияние. Территорию с преобладанием православных белорусов намечалось отдать России [8, s.164—165, 167]. Оценивая концепции инкорпорации и федерации, С. Кутжеба указывал, что они не учитывали несамостоятельность Польши в определении своей границы. Это было слабым местом обеих концепций. Особенно сильным, по его мнению, было давление великих держав на Польшу по вопросу о Восточной Галиции [9, s. 168, 170—171]. Нежизнеспособность концепции федерации С. Кутжеба видел еще и в том, что литовцы и слышать не хотели об унии с Польшей, а среди белорусов было очень низкое национальное сознание и «трудно было организовать элементы, которые могли бы для идеи федерации создать необходимую среду». Не реальной он считал и идею Ю. Пилсудского о создании зависимого от Польши украинского государства, так как и на Украине не хватало государствообразующих элементов. [8, s. 165, 167].

С точки зрения будущих отношений с Россией С. Кутжеба полагал более приемлемой для Польши реализацию концепции инкорпорации, объясняя это тем, что «буферное государство, образованное между Польшей и Россией, станет полем постоянной борьбы между ними». А для Польши существует постоянная угроза со стороны Германии. Поэтому она вынуждена искать соглашение с Россией и, следовательно, для этого не должна стремиться отодвинуть свои границы слишком далеко на восток [8, s. 167—168]. С. Грабский также отмечал преимущество политики инкорпорации по сравнению с концепцией федерации. По его мнению, прочно удержать непольское население в составе Польше можно только через его ассимиляцию [10, s. 26—27]. А именно на это и была нацелена политика инкорпорации.

Характеризуя федералистскую концепцию, польские исследователи, прежде всего, указывали на стремление «начальника» государства к «созданию независимой Украины, связанной трактатом прочного сотрудничества с Польшей» [11, s. 292]. С. Кутжеба доказывал стремление Ю. Пилсудского действительно дать возможность литовцам, белорусам и украинцам самостоятельно выбирать свою судьбу [9, s. 8]. Идею о том, что польская политика соответствовала интересам населения «восточных крессов», С. Кутжеба отстаивал и в своей монографии «Возрожденная Польша». В частности, он ссылался на то, что польские власти на оккупированной территории Беларуси и Украины позволяли свободное пользование белорусским и украинским языком, в том числе и при обращении во властные структуры [8, s. 163]. С. Кутжеба считал, что политика федерализма была нацелена на то, чтобы возродить Великое Княжество Литовское. Оно должно было охватить этнические литовские, белорусские и украинские территории, которые, согласно точке зрения этого автора, были пропитаны польской культурой, насыщены польской традицией и потому тяготели к Польше. Главное значение федерации ему виделось в том, что Польша имела бы унию с сильными государствами и была бы отделена ими от России [8, s. 164—165].

Последней попыткой реализации идеи федерации, по мнению С. Кутжебы, был поход Ю. Пилсудского на Киев. Он хотел отделить Украину от России и помочь Петлюре создать независимое украинское государство взамен за отказ от претензий на Восточную Галицию и часть Восточной Волыни. С. Кутжеба считал, что отделение с польской помощью Украины от России навсегда испортило бы отношения между Польшей и Россией [8, s. 173—174].

Польские историки в межвоенные годы сделали вывод, что борьба двух концепций окончилась победой идеи инкорпорации, отмечая, что поражение польских войск летом 1920 г. похоронило федералистские планы Ю. Пилсудского [3, s. 154]. По мнению Я. Чекановского, Рижский договор окончательно установил, что Польша будет государством национальным [12, s. 15—16]. Схожей точки зрения придерживался и С. Грабский, утверждая, что установленная Рижским договором польско-советская граница устранила «раз и навсегда помыслы о федеративных или буферных Украине и Белой Руси» [10, s. 96]. Отказ от борьбы за линию Днепра Грабский оправдывал тем, что Польше необходимо укрепление своих границ на западе и обеспечение выхода к Балтике: «Без доступа к Днепру Польша может существовать, но не может существовать без доступа к морю» [13, s. 144]. Причину победы концепции инкорпорации Грабский видил в том, что она «опиралась на польский патриотизм, а политика Пилсудского спорила с ним на каждом шагу». Пилсудскому не удалась «жалкими миражами федерации с Киевом или Ковно» склонить польский патриотизм «отказаться от идеала безусловного присоединения к Польше Львова или Вильно» [10, s. 102—103].

Новые доказательства приводил С. Кутжеба. Ключевым моментом была необходимость для Польши считаться в вопросе границ с позицией Антанты, отвечавшей за урегулирование этой проблемы [8, s. 164]. Польские историки подчеркивали факт, что страны Антанты на конференции не склонны были удовлетворять территориальные претензии Польши, так как еще надеялись на падение большевистского режима и рассчитывали, что граница между Россией и Польшей будет установлена на основе соглашения между ними. Поэтому Парижская конференция так и не решилась окончательно установить российско-польскую границу [3, s. 68, 94]. Поскольку Антанта противилась включению в состав Польши белорусов, украинцев, то выход «можно было найти в возвращении к польской традиции федерации и автономии» [3, s. 60]. Фактически С. Кутжеба признавал, что с помощью федералистской идеи Варшава стремилась замаскировать перед Антантой свои захватнические планы на востоке.

У ряда польских историков проходит утверждение, что уже в начале Парижской конференции стало понятным, что союзники согласятся передать Польше спорные с Россией территории только на основе польско-российского соглашения. Так, С. Кутжеба писал, что США занимали позицию создания Польши в ее этнических границах. Англия также была противником образования «великой Польши». Наиболее благоприятной для Польши являлась позиция Франции, которая была заинтересована в сильном польском государстве [8, s. 119—120, 122—123]. Для Польши было неприятным моментом, что конференция в итоге так и не решилась определить польско-российскую границу. Заметим, что в польской историографии восточная граница Польши определяется именно как граница польско-российская [3, s. 68, 94—95]. Авторы работы «Юзеф Пилсудский. Создатель независимого польского государства» указывали на существовавшую для Польши угрозу, что Парижская мирная конференция прислушается в вопросе о польской восточной границе к представителям российской эмиграции, «а это грозило потерей польских земель с Вильней и Гродно» [11, s. 292].

Во всех работах отмечается, что на Парижской конференции требования Польши были сформулированы на основе «линии Дмовского». Она предусматривала включение территории Литвы, западных и центральных белорусских земель с Минском; на Украине — Ровно, Каменец-Подольский. Эта граница определялась не только этнографическими принципами, но и хозяйственными аргуметами. Однако «линия Дмовского» не нашла поддержки у комиссии Камбона. Она высказалась за этнические границы Польши и окончательное решение вопроса

о границах отложила до того времени, когда в России будет признанное союзниками правительство [14, s. 82—83]. Эта позиция Антанты нашла отражение и в тех соглашениях, которые премьер-министр В. Грабский подписал в Спа 10 июля 1920 г. [14, s. 100—101]. Оправдывая отступление Польши от обязательств относительно границы, взятых на себя в Спа, польские историки указывают невыполнение своих обязательств и странами Антанты [14, s. 109].

По мнению Г. Свободы, на конференции было принято два важных решения о польской восточной границе: 18 июля 1919 г. Антанта установила разграничительную линию между литовцами и поляками; 2 декабря 1919 г. — линию восточной границы Польши, к западу от которой полякам можно было создавать регулярную администрацию. Эта линия, кроме Польского королевства, включала и Белосточчину [15, s. 58—59]. С. Козицкий отметил неудовлетворенность Польши решением Антанты по Восточной Галиции, которое предполагало передачу этой территории лишь под временное польское управление [5, s. 86—97]. Все польские историки единодушны в том, что линия границы, установленная Парижской конференцией 8 декабря 1919 г., была неприемлема для Польши с точки зрения обороны — советские войска уже через несколько дней могли быть под стенами Варшавы [16, s. 318].

Л. Василевский указал на различные подходы Ю. Пилсудского к установлению границ Польши на востоке и западе, который исходил из того, что польская западная граница будет установлена Антантой и «там собственными силами ничего не добьешься». Иное дело восточная граница: Пилсудский был уверен, что здесь «за все, что добудем, будем благодарны собственным силам» [17, s. 172—173]. По словам С. Грабского, война 1919—1920 гг. с Советской Россией была, прежде всего, войной за границы [10, s. 101]. Польские историки сходились во мнении, что на востоке Польша добивалась приемлемой границы вооруженным путем.

Ю. Лукасевич считал, что ситуация на восточной границе Польши в период ее становления была значительно сложнее, чем на западной, связывая это с революционными и империалистическими тенденциями [18, s. 13]. Тем не менее Польша смогла успешно решить вопрос о своей восточной границе, и главная заслуга в этом принадлежала Ю. Пилсудскому, который «дал Польше границы, соответствующие ее правам, достоинству и насущными потребностям» [18, s. 21—22]. Для Польши очень важной проблемой было признание великими державами той восточной границы, которую установил Рижский договор. В связи с этим С. Грабский высказал мнение, что наиболее важным внешнеполитическим успехом правительства В. Сикорского было достижение международного признания восточной границы Польши [10, s. 102]. Историк увидел значимость признания границ Советом послов Антанты в том, что оно ограждает Польшу от постановки на международном уровне вопроса о границе с постбольшевистской Россией. Хотя более действенным способом обеспечения восточной границы он считал союз с Румынией и Францией [19, s. 101].

Имеются многочисленные оценки границы с советскими республиками. Я. Чекановский доказывал, что даже некоторые уезды Могилевской и Витебской губерний принадлежат к польской этнической территории, и сожалел, что по Рижскому договору они остались на российской стороне. Что касается тех земель, которые по этому договору были включены в состав Польши, то они, по его мнению, безусловно эволюционируют «с точки зрения состава своего населения в направлении польской центральной территории» [12, s. 29—30].

Негативную характеристику границы 1921 г. дал В. Студницкий: она неудобна, так как не опирается на линию какой-либо из рек, в составе России остались территории, которые «с точки зрения этнографического состава, хозяйственной структуры могли быть полезны для Польши, как и для населения этих земель включение в состав польского государства» [20, s. 8]. А. Верный констатировал, что в Риге Польше не удалось получить границу, соответствующую «линии Дмовского»— восточнее ее остались Минск, Каменец-Подольский и Проскуров. Причину он находил в том, что большинство в польской делегации на мирных переговорах составляли представители левых партий, а С. Грабский, хотя и представлял эндецию, был

противником присоединения к Польше остальных белорусских земель с Минском, добивался создания коридора из северо-западных земель Беларуси, который отделял бы Россию от Литвы. Это требовало уступок в других местах, в частности в отношении Проскурова и Каменца-Подольского [21, s. 116]. Не была реализована «линия Дмовского» и на литовском направлении. Вину за это Верный возложил на Пилсудского и его стремление реализовать свои федералистские планы в отношении Литвы. Так, польско-литовский договор 7 октября 1920 г., по словам автора, «по непонятным причинам оставлял Вильно в составе Литвы», что отражало надежды Пилсудского на создание с ней федерации. После провала этого плана Пилсудский приступил к реализации идеи Серединной Литвы [21, s. 117—119].

Польская межвоенная историография смогла выявить основные направления политики правящих кругов страны по вопросу границы, нашедшие выражение в концепциях федерации и инкорпорации. При определении отношения исследователей к этим концепциям явственно определялись их политические пристрастия. Историки подметили и обосновали причины и последствия зависимости Польши в решении вопроса о восточной границе от позиции стран Антанты. Это, как и стремление ученых обосновать и оправдать территориальные претензии польских правящих кругов, свидетельствовало о масштабном влиянии политического фактора на развитие исторической науки в межвоенной Польше.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Зашкильняк Л. А.* Формирование и развитие исторической науки в Польше. Львов : Львовский университет, 1986. 82 с.

2. *Михутина И. В.* Советско-польские отношения. 1931—1935. М. : Наука, 1977. 288 с.

3. Wskreszenie Panstwa Polskiego. Szkic historyczny: в 2 т. Т. 2. 1918—1923. Kraków : Krakowska Supolka Wydawnicza, 1925. 300 s.

4. *Olędzki K.* Kresy wshodnie a Polska. Warszawa : Б. в., 1919. 46 s.

5. *Kozicki S.* Sprawa granic Polski na konferencji pokojowej w Paryży. Warszawa : Przyński, Niklewiecz i Spólka, 1921. 176 s.

6. *Balzer O.* Tradycya dziejowa unii polsko-litewskiej. Lwów; Warszawa : Naładem księgarni Gubrunowicza i syna, 1919. 24 s.

7. *Kalinowski W.* Kwesta wschodnia a Białorus. Warszawa : Б. в., 1920. 22 s.

8. *Kutrzeba S.* Polska Odrodzona 1914—1922. Kraków : Gebethner i Wolff, 1922. 264 s.

9. *Kutrzeba S.* Polska NiÍpodległa. Kraków : Gebethner i Wolff, 1924. 178 s.

10. *Grabski S.* Z zagadnień polityki narodowo-państwowej. Warszawa : Wyd. Perzynski, 1925. 134 s.

11. *Józef Pilsudski.* Tworca nipodległego państwa Polskiego. Zarys życia dzialalności. Opracowal Henryk Cepnik. Warszawa : Instytut propagandy panstwowo-tworczej, 1934. 327 s.

12. *Czekanowski J.* Wschodni zagadnienia graniczne Polski i stosunki etniczno-społeczne. Lwow, 1921. 144 s.

13. *Grabski* S. Uwagi o bieżocej historycznej chwili Poski. Warszawa : Wyd. Perzynski, 1922. 160 s.

14. Polska wyzwołona. 1918—1933. Warszawa : Wyd. Karola Merperta, 1933. 245 s.

15. *Swoboda H.* Pierwsze piętnastolecie Polski niepodleglej (1918—1933). Warszawa : Rabotnik, 1933. 436 s.

16. *Kutrzeba T.* Wyprawa kijwska. Warszawa : Naklad Gebethnera i Wolffa, 1937. 395 s.

17. *Wasilewski L.* Józef Pilsudski: Jakim Go znałem. Warszawa : Roj, 1935. 235 s.

18. *Łukasiewicz J.* Polska jest mocarstwem. Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1939. 63 s.

19. *Grabski S.* Z godziennych walk i rozważań. Poznań : Wyd. Wielkopolska księgarnia nakladowa Karola Rzepeckiego, 1923. 168 s.

20. *Studnicki W.* System polityczny Europy a Polska. Warszawa, 1935. 345 s.

21. *Werny A.* Na szlahach dziejowych Romana Dmowskiego. Warszawa : Pitrków Trybunalski, 1939. 136 s.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2012 г.